

Успокоение ярости / The Solace of Rage (повесть)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Успокоение ярости / The Solace of Rage (повесть)

Автор	Гай Хейли / Guy Haley
Переводчик	Листопадов
Издательство	Black Library
Серия книг	The Realmgate Wars
Год издания	2015
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

□

Содержание

I
II
III
IV
V

I

В замке, высеченном из хрусталя, трудился прядильщик предназначений.

Он, она, оно – кто знает? Никто не ведал, происходят ли колдуны от смертных или от демонов. Их было девять или один, или и девять и один. Во всех отношениях, включая их число, они были таинственными. Или пытались казаться такими.

Многоглазый Слуга – таково было одно из имён девяти, и в то мгновение оно принадлежало высокой, костистой фигуре невероятной худобы, которая обладала конечностями-тростинками и соответствующим телом. На шее создания покачивалась широкая голова, удивительно гладкая и лишённая каких бы то ни было черт, освобождавших место для ряда глаз вдоль спинки носа. Такое тело было всего лишь одеянием, не более важным, чем облачение его самого. Плащ Многоглазого Слуги определял его имя и природу – то был длинный покров из век, которые мигали и трепетали, а из-за них с любопытством выглядывали влажные глазные яблоки.

Многоглазый Слуга водил длинными пальцами по поверхности лужицы, исходящей парами ртути, перелистывая наворожённые им образы. Картины войны. Все владения бурлили от прихода Зигмара. Время от времени он задерживался, чтобы оценить того или иного героя, и выпускал негромкое удовлетворённое урчание, когда видел кого-то, достойного метки, либо пыхтел от досады, когда другие разрывали тщательно раскинутые им сети причин и следствий. Когда-то он игрался с подобными личностями ради своих собственных целей. Многоглазый Слуга провёл множество человеческих жизней, закручивая нити судьбы так, как ему нравилось, но это время ушло.

Его хилые конечности были скованы цепями судьбы, сотворёнными кем-то иным. Когда-то он было просто Многоглазым, но затем Архаон узнал его единственное истинное имя, и принудил его к служению. Теперь он был подчинён целям Всеизбранного, как и все его родичи.

Гранёные стены логова Многоглазого Слуги темнели, отзываясь на ухудшение его настроения. В хрустальных окнах при помощи колдовства отражались образы восьми его двойников. Одни работали в собственных логовищах, вид которых угрожал рассудку наблюдателя, воплощая неописуемую прихоть зодчих, возведших их. Другие же пребывали вне Владений, исполняя приказы хозяина. Где бы они ни были, все как один, двойники обращали внимание на досаду Многоглазого Слуги и начинали бранить его, опасаясь, как бы Архаон не обратил внимание именно на них. Ссутулив плечи, чернокнижник повернулся к ним спиной. Остальные слишком опасались Архаона. Но, если Тзинч узнает, что они согнулись перед волей Всеизбранного, неудовольствие Изменяющего Пути затмит даже самый жуткий гнев Архаона. Впрочем, пусть Многоглазый Слуга и не признавал, что боится своего нынешнего повелителя, сейчас он вернулся к гаданиям, понукаемый долгом и ужасом.

Архаон требовал чемпионов, и поэтому Многоглазый Слуга искал их в каждом владении.

II

Во Владении Зверей располагались степи столь протяжённые, что у них даже не было единого названия; подобный ландшафт человеку не удалось бы пересечь и за целую жизнь. Равнины, растянувшиеся на тысячи лиг, окружали горы и моря, леса и могучие каньоны, но чаще всего на них встречались пышные, бесконечно разнообразные пастбища. Там бродили огромные звери с рогами высокими, как древесные кроны. Сколь разнообразны были звери, столь изобильны расами и племенами были и люди, охотившиеся на них.

На этих равнинах и лежали Поля Кровоцвета. Травы на них были красными, а цветы багровыми. Частично окаменелые грудные клетки животных невероятных размеров усеивали багрянец, возносясь выше соборов, а их грудины были укрыты рошицами, что тянулись к земле длинными корневыми побегами. Безглазые черепа были подобны костяным холмам, фаланги пальцев – посеревшим скалам.

Во время расселения кровоцвета, когда начинал дуть подходящий ветер, цветки раскрывались и выпускали пыльцу, которая разносилась далеко-далеко. В эту пору они целыми днями пели. Голос каждого отдельного цветка был слишком тихим, неслышимым, но многомиллионный хор создавал музыкальное воздыхание, давшее Полям Кровоцвета их второе имя – Поющие Степи.

То были богатые земли, обильно заселённые зверьми и разными племенами. Даже в конце Эры Хаоса, когда воины Зигмара ливнем обрушились с небес, неся в сердцах гнев, а в руках молнии, на равнинах всё ещё оставались свободные люди, выжившие в жуткие века. За это на них охотились, ибо боги презирали свободу больше всего, но они выживали.

Именно это место привлекло внимание Многоглазого Слуги. Его неугомонные пальцы прекратили раздражённые движения, рябь на серебряной поверхности улеглась. Образ прояснился, и чернокнижник придвинулся к ртутной лужице.

На Полях Кровоцвета собиралось воинство людей. Они были Рабами Крови, ордой владыки Калаза Иссекателя. Его имя мгновенно явилось Многоглазому Слуге. В обычные времена они безостановочно двигались через равнины, без разбора прорубая просеку через травы, стада или народы. Но не сегодня. Ряд за рядом, кровавые воины и кровавые налётчики собирались в круглой впадине на вершине холма из наваленных гигантских костей. На севере посеревшие кости образовывали утёсы двадцать ярдов высотой; на юге холм полого спускался к равнине. На вершине этого плато чёрная и бронзовая броня сверкала в утреннем свете, заволочённая пыльцой.

Выжженные вокруг холма отметины сотен лагерных костров, разведённых Рабами Крови, пятнали красное полотно чёрным. Широкая дорога из раздавленных цветов тянулась до самого горизонта, отмечая их путь к месту битвы.

Восемь курганов из свежих черепов, всё ещё розоватых после разделки, были всем, что осталось от народа Хейрана.

Кости хейранских лошадей обугливались в кострах, подкормленных расколотыми досками из колесниц побеждённого племени. Сотня его представителей выжила, но лишь физически. Поставленные перед выбором между порочным пиром и смертью, они решили пожрать сердца своих товарищей. Память о прошлой жизни выскользнула из их разумов, затуманенных яростью Кхорна.

Все присутствующие жаждали новой бойни, – а те, кто некогда был хейранцами, особенно, – но при этом стояли неподвижно. Орда молча ждала. Их взоры были направлены на свободный участок в центре круга из плоти и меди, который они создали. Кругом царила тишина, нарушаемая лишь стонами закованных в цепи кхоргоратов и хлопаньем стягов на ветру.

Истребление Хейрана дорого обошлось Рабам Крови. Владыка Клаз Иссекатель погиб, зарубленный в конце битвы, последним отчаянным ударом Военного Короля Хейрана.

В племени осталось пятеро Избранных Крови: жрец бойни Орто, кровавый загонщик Данаван Вуул, дробитель черепов Корд и двое возвышенных смертоносцев. К югу от круга стоял тот, кто называл себя Матрором, рогатый и горделивый. Второй же был немым Ушкаром Миром. Рабы Крови на четверть

уменьшились в числе, среди убитых были ещё трое Избранных Крови. Это не имело значения, ибо Кхорна не заботит, что гибнут его последователи, важно лишь убийство как таковое, и хейранцы оказались достойными противниками.

Стяг мёртвого кровавого осквернителя племени был воткнут в землю. Ярящиеся энергии рокотали, требуя нового носителя, но это, как и все другие вопросы, могло подождать. Прежде, чем в круг восьми посмеют вступить новые претенденты, Рабы Крови должны получить нового владыку.

Ушкар Мир и Матрор пристально смотрели друг на друга. Многие годы они сражались вместе, но между почитателями Кровавого Бога подобное не принималось в расчёт. Оба излучали неприкрытую ярость.

Матрор был громадным здоровяком, с мышцами, что бугрились тёмными энергиями Хаоса. Из его висков тянулась пара медных рогов, воин был облачён в Кровавую Броню, шипастый доспех, закрывавший тело практически целиком, от раздвоенных ступней до самых глаз. Подбородник закрывал лишь нижнюю часть лица, но Матрор и не нуждался в шлеме. Его рога были такой же частью доспехов, как и любой другой их фрагмент, и обеспечивали защиту головы. Поверх подбородника сердито смотрели налитые кровью глаза с жёлтыми радужками, над ними нависал лоб, сморщенный от жажды насилия. Он был вооружён огромным мечом, весившим с двух человек, усеянным зубцами на протяжении всего окровавленного клинка. Застарелая кровь запеклась в стоке, но лезвия сияли яркой сталью и были достаточно остры, чтобы заставить ветер кричать. На другой руке воина был закреплен высокий тёмно-красный щит, украшенный рунами Кхорна и священным восьмиконечным знаком Хаоса.

Ушкар Мир был выше ростом. Он тоже сохранил относительно человеческий вид, но также бурлил нечестивой силой. Неверующему Мир показался бы великаном, хотя, как и все остальные Рабы Крови, когда-то он был обычным человеком, незатронутым божественностью. Что касается его лица, то на нём были ясно представлены предпочтения Кхорна. Губы Мира отсохли, обнажив его зубы до корней в постоянном оскале. Вокруг глаз он носил медный обруч, укрепленный на черепе железными заклепками и покрытый глубоко выдавленными рунами. Тусклые сейчас, в битве они начинали ярко пылать. С головы, представлявшей собой массу рубцов и шрамов, свисали спутавшиеся тонкие пряди ломких волос. Виною тому были руны, что мучили воина, приводя в ещё большую ярость, которая, в свою очередь, заставляла их гореть ещё жарче.

Мир пренебрегал бронёй, предпочитая скорость и неистовство металлическим панцирям трусливых. Под простыми кожаными ремнями были отчётливо видны его шрамы, пересекающие спину и грудь. В отличие от изувеченной головы, эти сплетались в осмысленные знаки – руну Кхорна в виде черепа, восьмиконечную звезду, а также отметины убитых им врагов.

Топоры-близнецы Мира, Вор Черепов и Кровавая Злоба, были закреплены за спиной, их ворчащие оголовья приглушались ножнами. Один чёрный, другой красный, они были дарами его господина. Полоски меди на костяшках пальцев сжатых кулаков Ушкара сгибались от напряжения его великой и яростной силы. Его грудь тяжело вздымалась, мышцы сгибались с каждым бычьим вздохом. Фыркание воина звучало вызовом, приглашением устроить насилие. Оно заглушало всё над вершиной холма.

Орто смотрел меж двух прежде-людей, глядевших друг на друга через круг.

— Итак? — изрёк он. Всего одно слово, громкое как колокольный звон и чистое как зов трубы, оно вылетело с дыханием, вонявшим кровью. Рабы Крови зашевелились, по толпе пробежало движение. Новый огонь разгорался в их сердцах после редких минут бездействия. Хотя день близился к концу, великие начинания были посеяны в то самое мгновение, этим единственным словом.

За день до того Орто испил жижу бойни, настойку из кипячёной крови из сердца, осквернённой демоническими соками и толченым искажающим камнем. Кхорн в очередной раз признал его достойным, раз он всё ещё был жив, и, более того – одарил новой силой. Кожа Орто натягивалась от новых мышц, а его резкие слова несли в себе власть самого Владыки Черепов. Сила, протекавшая через жреца бойни, исходила от самого трона Кхорна.

- Мир недостоен, – сказал Матрор. – Я должен быть тем, кто ведёт.

- Взгляни! – сказал Орто. На неестественно длинных ногах он перешёл на сторону Ушкара и ущипнул его за мышцы, затем постучал крупными костяшками пальцев по медной повязке воина, провёл рукой по вздымающимся рубцам на крупной груди. – Дары Кхорна.

- Дары для недостойного, – возразил Матрор.

Жрец бойни быстро коснулся чёрного и красного топоров Мира, стараясь не разбудить демонов, спящих внутри.

- Топоры-близнецы, которыми он вооружён – родня демонов из собственных легионов Кхорна. Разве это не знаки достоинства? – Орто лающе усмехнулся. – Ты сомневаешься в суждении Кхорна. Твой череп должен принадлежать ему.

Орто многозначительно перехватил двуручный топор. Это было жестокое оружие, ошетилившееся чёрными шипами.

- Я не сомневаюсь в суждении Владыки Черепов, – ответил Матрор. Он поднял руку, останавливая жреца бойни. При всём чудовищном облике и огне ярости, плававшем в нём, воин разговаривал спокойно. Его голос не был похож на боевой клич, скорее на нечто шёлковое, неоднозначное и смертельное, оружие само по себе. – А вот ты, Орто, сомневаешься в его чувстве юмора!

В орде слышались разрозненные смешки.

- Кхорн смеётся над Миром, и это правильно. Ты путаешь забаву с благоволением. Ушкар Мир не поведёт нас. Ему не хватает веры.

- Думаешь, ты должен вести нас? Ха! – усмехнулся Отто.

- Я не пойду за тобой, – сказал Данаван Вуул. Корд Кузнец, как всегда, промолчал.

Кровавый воин отделился от орды. Он был мельче многих других, по размеру походил на горожанина, коим и являлся в прошлом. Плотная чёрная броня облегла его, в то время как шлем с высоким гребнем кхорнит держал под мышкой, оставляя лицо открытым. Кожа его была бледно-голубой, усыпанной кровавыми отметинами. Его глаза были того же цвета, поэтому их не сразу удавалось отыскать на лице. Он походил на живое изваяние, высеченное из редкого мрамора. Даже при этом, в глазах воина невозможно было не усмотреть пытливый ум. Череп – так его звали – отличался хитростью, он был мастером интриг в стаде убийц, и это делало кхорнита опасным как на поле битвы, так и вне его.

- Череп?! – сплюнул Орто. Жрец терпеть не мог дерзость Черепа, особенно ввиду того, что тот взял себе священное имя. – Тебе чего тут нужно?

- Я говорю за Мира, – ответил Череп вкрадчивым тоном.

- Нечего тебе тут делать.

- Владыка Кхорн счёл необходимым лишить Великого Ушкара Мира голоса, а затем Владыка Кхорн счёл необходимым направить Черепа ему в услужение, - хитрец поклонился жрецу бойни. - Череп говорит за Мира. Череп всегда говорит за Мира.

Зарычав, жрец бойни стиснул зубы.

- Знаю, тебе не нравится моё имя, - сказал Череп. - Неужели мы должны разыгрывать эту сцену каждый раз, когда встречаемся? Если хочешь убить меня, так давай!

- У тебя нет на него права, - возразил Отто. - Ты умрёшь за своё кощунство.

- Ты можешь бросить вызов Миру, чтобы оспорить моё право, - ответил Череп. - Я под его защитой.

Ушкар зарычал, и это был первый звук, не считая шумного дыхания, который он издал с начала сборища.

- Позволь Суду Клинков решать. Потом сможешь поднести свою жалобу хоть прямо к медному трону, - сказал Череп.

Кожа Орто покраснела от ярости, забурлившей в крови, но ему удалось сдержаться. У него не было желания драться с Миром - в этой схватке жрец бойни не смог бы выиграть.

- Тогда говори, нахальное ничтожество, - нехотя разрешил он.

Череп в насмешливом почтении склонил голову перед Орто. - Я скажу, и скажу я вот что: Мир - достойный.

- А с чего бы тебе не говорить, что Мир - достойный? - презрительно усмехнулся Матрор. - Твоё слово ничего не значит! Ты его вещь, его скотина. Ты живёшь только благодаря его заступничеству. Да как ты вообще осмелился обращаться к тем, кто лучше тебя - вон с глаз моих! Когда всё это закончится, я приду за тобой и живьём соскоблю плоть с твоих костей. Беги сейчас и тогда, может, проживёшь чуть дольше.

Ухмылка исчезла с лица Черепа. Он удобнее перехватил рукоять длинного меча, покоившегося в ножнах. Матрор преувеличивал. Мир не был единственным гарантом его безопасности - Череп и сам был одарённым воином. Мысленно он часто мерялся силой с Матрором. Возможно, в навыках Череп превосходил врага, но, несомненно, очень серьезно уступал в силе. Слуги Кхорна не славились осмотрительностью, но для таких, как Череп, тех, кто мог сдерживать ярость и биться с холодной головой, жизнь была полна подобных оценочных суждений.

- Мир - достойный, - повторил Череп. - Никто не бьётся за Кровавого Бога жёстче и лучше, чем он.

- Бьётся жёстче? Может и так. Но я бьюсь лучше, - возразил Матрор, лязгнув щитом о грудь. - И, сражаясь, он бьётся не за Кровавого Бога.

- Как нет? - переспросил Череп. Он приподнял серебряную бровь. - Тогда за кого он бьётся?

- Ушкар Мир бьётся лишь за самого себя, - ответил Матрор, проявив всё накопившееся презрение.

- Какие ваши доказательства, о мой владыка Матрор? - спросил Череп.

- Его собственные слова и есть доказательство. Все их слышали. Он оказался обречён собственной молитвой. "С каждым черепом я прокладываю дорогу к твоему трону, с каждым шагом я приближаюсь к

мести”, – процитировал он молитву Мира, ту самую, которую чемпион тихо бормотал в каждой битве до тех пор, пока Владыка Кхорн не забрал его голос навечно. – Кто ещё, кроме неверующего слуги мог сказать такое? Дурак, никто не может драться с Владыкой Черепов!

– Кхорн забрал его голос. Здесь и говорить не о чем, – сказал Череп. – Кхорн уважает храбрость. Мир – храбрец, а не дурак. Кхорн услаждается неповиновением, а не раболепным преклонением, а ты только на это и способен.

– Кхорн забрал у него голос, чтобы защитить свою игрушку, дабы никто не мог слышать его богохульства. Я – не игрушка. Я – достойный, а он – нет! – заорал Матрор. – Я поведу племя! – он воздел щит и меч, большинство Рабов Крови начали выкрикивать его имя.

Матрор удовлетворённо ослабил на соперника.

– Тишина! – заорал Орто, голосом, похожим на удар хлыста самого Кхорна. Выкрикивания имени Матрора тут же смолкли.

– Мир – достойный, – изрёк жрец бойни. – Это ты богохульствуешь. Мир пожинает черепа и жизни. Они идут к Кхорну, как пойдёт и сам Мир, его череп ляжет к Трону Черепов. Ты тоже бьёшься за самого себя. Твоё стремление вести – очевидно. Истинный слуга бьётся не за свою собственную славу, но за славу Кхорна.

– Я за Мира, – сказал Данаван Вуул. Выйдя вперед, он встал рядом с Черепом и Миром. Откормленное мясистое тело кровавого загонщика колыхалось на каждом шагу. – Кхорн извлекает пользу из любого убийства, независимо от причины или образа смерти. Такова наша вера. Мир более великий смертоносец, чем ты, Матрор.

– Ты – трус, который прячется за своим хлыстом, заставляя других убивать за тебя!

– Мой хлыст и мой клинок вгрызаются глубоко, – прошипел Вуул сквозь кривые жёлтые зубы. – С их помощью я убил даже больше, чем ты, могучий Матрор. Кхорн не волнуется ни о чем, пока льётся кровь.

– Мир – это испытание! – проревел Матрор. – Многие из нас пали в битве с хейранцами. Кхорн испытывает нас этим богохульником, наблюдая за нашими метаниями, когда мы, вновь и вновь, приближаемся к неудаче. Он недоволен – вот почему Калаз пал. Это же очевидно!

Возбуждение толпы росло. Толпа кхорнитов начала разделяться. Люди начали косо смотреть друг на друга. Разумы вновь заволакивало красным видением Кхорна, и разница между друзьями и врагами становилась размытой, незначительной.

– Кхорн – не слабый божок, – произнёс Череп. – Разве мы не следуем за ним туда, куда он ведёт нас? Разве мы не радуемся его ярости? У него нет времени на жалкие хитрости. Черепа и кровь – вот, что он требует, и Мир доставляет их ему, невзирая на собственные стремления. Вот почему он вознаграждён.

– Вот оно – доказательство моих доводов, – изрёк Матрор, указывая на Череп. – Язык хорька во рту змеи.

Ушкар вновь зарычал.

– Почтенный дробитель черепов Корд, – спросил Череп. – Чью сторону ты примешь: Мира или Матрора?

Воин-кузнец не ответил и не пошевелился, его окованная цепями горящая наковальня опалила

примятую красную траву, а лицо, скрытое под маской, ничего не выражало. Череп пожал плечами. Дробитель черепов Корд служил Кхорну в одиночестве. Он не повиновался никому из людей, и ему нечего было им сказать. – А что скажет жрец бойни? Ты говоришь за Кхорна, так донеси же до нас его суждение!

Глаза Орто заметались туда-сюда между смертоносцами, оценивая стоящих друг против друга. Он медлил, чёрный язык червём извивался меж оцарапанных губ.

– Кхорн не говорит. Кхорн недоволен тем, что мы не бьёмся, но разговариваем как слабаки. Есть только один способ разрешить это. Череп воззвал к Суду Клинков, так пусть же всё решит испытание оружием.

– Ты не назовёшь фаворита? Ты не уверен, кто победит, – сказал Матрор. – Не хочешь принимать чью-то сторону. Кто может уважать такую трусость? Сегодня ты явил свою слабость, Орто.

Жрец бойни выпятил грудь и оскалился. В словах Матрора была правда.

– Разве что-то из этого имеет значение? – произнёс Череп. – Мир – лучший воин. Никто не сравнится с ним в мощи. Никто не собрал столько черепов, не пролил столько крови. Пожинает Мир черепа для Кхорна, или для мести, это не имеет значения. Любая смерть – это поклонение, неважно, как она дарована. Кхорна не беспокоит, чья льётся кровь.

Матрор злобно улыбнулся.

– Сейчас ты отлично поймёшь, о чём я, – с этим он выхватил меч и бросился на Мира.

Орда разделилась, подобно тому, как волнующееся море разбивается о рифы. Сдерживаемая на протяжении многих недель вражда разделила орду на две части – одна была за Мира, другая за Матрора. Сторонники Матрора превосходили числом сторонников Мира на треть.

Мир не мог говорить, но Мир мог слышать. Мир выглядел как безумное чудовище, но Мир мог думать.

И вот что он думал, обнажая Кровавую Злобу и Вора Черепов: “Матрор прав. У меня нет веры. Для Кхорна у меня есть только ненависть.”

Кхорн не беспокоился. Кхорн забавлялся, Матрор и в этом был прав.

Кровавая Злоба и Вор Черепов вопили от радости освобождения.

– Кровь для Кровавого Бога! – визжала Кровавая Злоба, красный топор.

– Черепа для Трона Черепов! – вторил ей Вор Черепов, чёрный топор.

– Я пролью больше крови, чем ты, – заявила Кровавая Злоба.

– А я соберу больше черепов! – фыркнул другой.

Топоры смеялись металлическим смехом, когда Мир взмахивал ими. Несколько созданий, достаточно целеустремлённых, чтобы рискнуть своими жизнями против Ушкара Мира, встали между ним и Матрором. Никто из них не был ему ровней, и все умерли быстро. Вор Черепов и Кровавая Злоба в своей вечной жажде выпили их жизненную влагу. Сверкающие поверхности топоров теперь были заляпаны принесённой ими смертью.

Две части орды громили друг друга, кровожадно завывая. Лязг сталкивающегося оружия полностью

заглушил пение кровоцвета. Никого не удивляло, что их собственные товарищи напали на них; то были воины Кхорна, всегда готовые к кровопролитию и красной жатве черепов. Люди, которые ещё вчера вместе сражались и делились друг с другом плотью убитых хейранцев, сидя вокруг костров, сегодня с великим удовольствием погружали друг другу мечи в животы. Топоры сносили головы с плеч. Кровь брызгала из перерезанных артерий, когда конечности отсекались от тел.

- Кхорн! Кхорн! Кхорн! - ревели они. - Кровь для Кровавого Бога! Черепа для Трона Черепов! Пускай исполнится красный обет!

Спустя минуты, битва, начавшаяся, как столкновение двух сторон, переросла в беспорядочную свалку. Цветы безумно пели свою песню, а черепа на холме безучастно глядели на то, как воины Кровавого Бога убивают друг друга. Подобные зрелища были обычным делом в те мрачные времена.

Корд стоял неподвижно посреди этого урагана, ожидая какого-то знака, ведомого ему одному. Орто ревел молитвы Кхорну и сражался, но был осторожен, стараясь не помогать ни Миру, ни Матрору.

Череп прикрывал спину своего господина, его меч был достаточно быстр, чтобы превзойти любого противника, кроме разве что Избранных Крови.

В самом сердце битвы сражались Матрор и Мир. Они стояли друг друга. Расчетливый Матрор контролировал каждое движение и действие. Мир воплощал в себе ярость и неистовство, демонические топоры восторженно вопили, когда их хозяин прыгал и проворачивался в воздухе. Ни один из них не мог обрести преимущество. Щит Матрора отбил Вора Черепов и Кровавую Злобу, а те отразили его возвратные удары. Воздух вокруг смертоносцев был напоен дымом, идущим от клинков их оружий. Ослепительные разноцветные всполохи разлетались, когда те встречались. Кровавая Злоба и Вор Черепов выли от бешенства. Они проливали кровь легионов, и они не принимали поражения. Ни одно смертное оружие не могло выстоять против них, но клинок Матрора не был обычным. Могучий меч, тяжёлый от магии крови, он также был даром Кхорна. Повелитель Бойни был великодушен на блага, ему нравилось, когда они используются друг против друга.

Матрор парировал обратные удары Ушкара, соединив клинок и щита.

- Ты не сможешь победить, Мир. Тебе не хватает почтения к Кхорну. Лишь я достоин вести Рабов Крови. Сложи оружие и признай меня владыкой, тогда ты будешь жить!

Мир взревел и снова атаковал его. Слова, которые он не мог произнести, крутились у него в сознании. "Я ненавижу тебя, Матрор. Я ненавижу вас всех. Я смотрю на то, чем я стал, это чудовище из ярости и злости, и ненавижу самого себя. Но сильнее всех прочих, я ненавижу Кхорна, и я не успокоюсь, пока не проторю красную дорогу до самого конца и не встану перед его медным тронном, держа топоры в руках. Ты не преградишь мне путь, ты падёшь предо мною".

Кхорн сделал Мира безмолвным, и потому его слова остались невысказанными, но Кхорн слышал их. В ответ на предательские мысли Мира, руны на обруче, скрывавшем его смертные глаза, засветились растущим пламенем.

Жгучая боль впиалась в голову Мира. Горнильный жар зачарованной меди жарил его кожу, продавливая железные гвозди глубже в кости черепа, в который они были вбиты, и буквально запекая его мозг. Рабы Крови считали обруч благословением, но это было не так. Кхорн позволил Миру жить, но он покарал часто и жестоко карал его за богохульство. Боль обернулась агонией. Думать стало невозможно. Мир отдался овладевшей им убийственной ярости. Оттенки красного, окрашивавшие его зрение стали

углубляться, пока весь мир вокруг него не заволочило кровавым мраком. Вдалеке он слышал вой Кхорна, вечно голодного, требующего больше черепов, больше крови, больше войны.

III

- Любопытно... - пробормотал Многоглазый Слуга, наблюдавший за происходящим из своего хрустального донжона. Вглядываясь в разумы людей, он наслаждался их тайнами. Медный обруч вокруг головы воина был устойчив к ворожбе и почти сводил её на нет, но чернокнижник увидел достаточно, чтобы заинтересоваться мыслями Мира.

- Человек, который бросает вызов собственному богу, но при этом служит ему, - прошептал Многоглазый. - Человек, преданный Хаосу, но преследующий собственные цели.

Чернокнижник издал жуткий звук, служащий ему смехом.

- Как же он понравится Архаону! Как и они все!

Ещё многое предстояло сделать, чтобы точно убедиться в этом. Рабы Крови были небольшой ордой - их павший господин не был ни Кхулом, ни Баудраксом. Имени Калаза Иссекателя не знали в степи. И воспевал ли кто-то, в страхе или молитве, имя Ушкара Мира? Лишь немногие, если такие вообще были.

- Испытание, испытание, я должен устроить испытание! - зашипел Многоглазый Слуга.

Во Владении Зверей колдун узрел тысячи картин раздора и ужаса, мелькающих под его руками. В отдалённой земле он нашёл искомое. Огоры, последователи Шрамобрюха, пылали стремлением отомстить за смерть своего господина от рук Баудракса. Они сгрудились вокруг жрецов-поваров, которые в это самое мгновение преподносили отборные потроха своему богу, умоляя направить его народ к врагу.

Порталы-пасти раскрылись, столь же красные и влажные, как пищеводы. Огоры завопили, предвкушая месть, и устремились прямо в них.

Для создания, подобного Многоглазому Слуге, было проще простого устроить махинацию со столь примитивной магией и направить огоров, куда требовалось.

Где-то далеко во Владении Хаоса, Многоглазый Слуга услышал гневный дикий рёв, но не обратил на него внимания. Прожорливый бог был жалким. Тзинч - нет.

IV

Раbam Крови показалось, что Кхорну надоела их перебранка. Вокруг места, где схлестнулись в поединке Матрор и Мир, вдруг замерцал воздух в нескольких точках. Равнину затопила вонь магии. Потянуло зловонием порченого мяса, обильного пота и стухшей пищи. Едва оно достигло травы, песня кровоцветов смолкла. Разряды энергии начали потрескивать вокруг общей середины мерцаний.

- Узрите! Узрите! - заорал Орто, отрубая голову вопившему кровавому налётчику. - Грядут новые враги! Кхорн благословил нас! Кхорн услышал нашу войну! Черепа! Черепа! Черепа!

Поначалу волшебная гроза беспорядочно метала молнии, заземлявшиеся через оружие мёртвых. Но затем зубья магической силы сосредоточились и собрались в два размыкающихся ряда трещащих всполохов, похожих на кинжалы. Только когда вихри успокоились, стало понятно, что это зубы, а в

целом картина очень походила на рот Мира – безгубый, сочащийся слюной.

Первый из этих ртов раскрылся с рёвом, обратившись в зияющую круглую пасть. Дрожащая поверхность врат владений, растянувшаяся внутри неё, была тонкой, как ниточка слюны.

Через неё прошёл здоровенный огор, затем другой и третий. Вокруг орды и в её рядах открывалось ещё больше врат. Целое племя огоров устремилось в атаку на дерущуюся толпу, отбрасывая людей здоровенными брюхами, сражая большими дубинами и колунами тех, кто обратил против них оружие.

- Кхорн благоволит нам! Истинный враг! – как припадочный вопил Орто. – К бою, к бою!

Битва между Рабами Крови мгновенно прекратилась. Люди отскакивали друг от друга, разделяя сцепленные клинки. Прежние разногласия были забыты.

- Кровь для Кровавого Бога! – заревели они и ринулись на огоров, прибывающих на поле.

- Давай-ка в другой раз, Мир, – сказал Матрор. Он расцепил меч с Кровавой Злостью, но остался настороже, на случай, если Ушкар не захочет примириться.

Сквозь туман боли и ярости Мир осознал, что появилась новая более значимая угроза, и вместе с тем, возможность. Тут было много черепов для его дороги; булыжников, которыми он вымостит путь к отмщению. Смертоносец кивнул Матрору, и они встали бок о бок.

- За Кхорна! Черепа для Кхорна! – закричал Матрор.

Мир издал бессловесный самоненавистнический вопль, и они вместе атаковали огоров, всё ещё прибывавших на равнину.

Огоров было, по меньшей мере, сотни две, и они напали с хитроумием, противоречащим их внешнему виду. Первая их волна бросилась на врага, в то время как основная часть группировалась. Огоры в середине были лучшими бойцами, толще и крупнее даже самых рослых Рабов Крови, а также обладали тяжёлыми доспехами. Большие железные пластины закрывали животы и руки, а вооружены они были длинными серпами, которые одним ударом рассекали воинов надвое. Передовой же отряд огоров был более лёгко бронирован, и явно не торопился приблизиться к орде. Мир понял, что они ждут своих товарищей, всё ещё проходящих сквозь врата владений. Более тяжёлые огоры группировались в полый клин, внутренние ряды которого быстро заполняли новоприбывшие.

Череп подскочил к Миру.

- Мы должны быстро сокрушить их, до того, как они завершат формирование клина, мой повелитель.

Мир кивнул. Он тоже понимал это. Когда-то он был выдающимся полководцем, и ныне был сильно угнетён тем, что не может донести до других свои соображения. Тактика, которую он не мог озвучить, томилась в его бурлящем мозгу.

Но Череп каким-то образом догадывался о ней, и мог высказывать Миру его собственные мысли.

- Мой повелитель, должен ли я говорить от вашего лица? Я могу приказывать людям от вашего имени, дать им команду построится, чтобы сдержат напор огоров, когда те подойдут. Матрор бесполезен. Взгляните, как он завывает, жаждая славы, и беспорядочно ведёт кровавых налётчиков за собой. Они разобьются о стену огоров.

Мир усмехнулся, ведь это было правдой, и кивнул своему последователю. Череп отскочил от него и взобрался на обветренный бугорок древней кости, находившейся выше всего остального на поверхности холма. После дуновения в рог, голос Черепа разнёсся над битвой, сообщая приказы для вожаков и чемпионов.

- Возобладайте над своей яростью, воины Кхорна! Вместе встретите огоров, не разбрасывайтесь своими жизнями! Не разочаруйте Кхорна! Подобно стене из плоти и стали, мы отбросим их назад! Я говорю за Владыку Ушкара Мира. Это он руководит вами! Стройтесь!

Люди оглянулись на Черепа, и ярость начала утрясаться в их головах. Небольшая кучка воинов уже собралась вокруг него. Мир встал на бугорок рядом с последователем и ручей перерос в поток, число бойцов, собирающихся в плотные ряды вокруг громадной кости, стало стремительно расти. Он указал им цель топорами, и Рабы Крови поняли, безошибочно расположились так, как пожелал Ушкар. Вскоре пять сотен опытных воинов стояли в готовности. Кучка заляпанных кровью жнецов черепов также встали на сторону Мира. Их предводитель, искатель черепов, поприветствовал Ушкара, и они окружили его подобно телохранителям. Затем явились Орто и Корд, и боевой строй смертоносца был завершён.

Но многие из Рабов Крови не примкнули к Миру, а последовали за Матрором.

Клин огоров находился в двух сотнях ярдов от расположения Мира. Люди Матрора пробивались через их застрельщиков и окружили огорский клин бурлящей массой. Оружия огоров повергали воинов наземь, серповидные клинки нарезали их в окровавленное крошево. Матрор продвигался неплохо и убивал каждого, кто выступал против него, но на место павших врагов вставали новые, а сразить огора было нелегко.

Мир взглянул на края орды и увидел, что неприятель по-прежнему действует хитроумно. Крупные звери выходили из врат и располагались рядами по бокам клина. Горланя со своих лохматых ездовых животных, огоры подгоняли их так, чтобы ряды расположились под косым углом к ведущим сторонам клина.

- Они намереваются зажать воинов Матрора между своей опытной серединой и зверьми, - догадался Череп. - Поможем нашим?

Ушкар решительно мотнул головой: Матрор выживет или умрёт сам по себе. Те воины, что выбрали Матрора, тоже могут умереть рядом с ним. Жажда боя овладела ими, и они не замечали надвигающейся опасности.

Внимание Мира обратилось на массивного огора в самой середине клина. Здоровее и толще своих последователей, он стоял во главе наиболее крупных огоров. Его толстую броню украшали разъявленные рты, выполненными из драгоценных металлов, в руках он держал увесистую двуглавую палицу с оголовьями - тяжёлыми металлическими болванками, усеянными шипами. Мир отметил этого противника. Брюхастый повелитель падёт от его топоров, решил Ушкар, и станет достойным подношением богу, которого он когда-нибудь убьёт.

Последний из отборных огорских бойцов прошёл через портал. Клин был завершён. Несколько огоров поднесли руки ко ртам и издали грандиозный клич, несший в себе нечто музыкальное, остальные вторили им.

- Шрамобрюх! - завопил их военачальник.

- Шрамобрюх! Шрамобрюх! Шрамобрюх! - повторяли они.

- Мы убиваем за Шрамобрюха! Месть!

То было проявление чувств, которое Мир мог понять.

Огоры двинулись. Оставшихся сторонников Матрора раскидали по сторонам, будто детей.

Второй голосистый зов раздался с левого края, третий с правого, и боевые звери огоров пришли в движение, они громко ревели, от их тяжёлой поступи содрогалась земля. Боевые животные перешли на рысь. Выкрикивая боевые кличи, их всадники направляли зверей; сдвигая орду между собой и клином, они истребляли Рабов Крови. На Матрора налетело чудовище, мотающее развесистыми каменными рогами, и он исчез под огромными ступнями.

Довольно хмыкнув, Ушкар перенес внимание на приближающуюся элиту огоров. Он глядел на вражеского предводителя, пока не встретился с ним глазами. Мир отсалютовал противнику топорами, и огор слегка наклонил голову, соглашаясь. Вызов был принят. Огоры ускорились, они надвигались, болтая брюхами и оглушительно ревя. Приблизившись к бойцам Ушкара, они занесли оружие над головой.

- Крепитесь, о кровавые люди Кхорна! - закричал Череп. - Отбросьте их назад!

- Кровь! Кровь для Кхорна! - завопил Орто, потрясая топором над головой.

Корд молча обернул ещё одно звено цепи вокруг руки и сжал её крепче.

Натиск огоров был медленным, почти сонным, но когда они ударили в ряды Рабов Крови, он оказался опустошительным. С ревушим криком, бывшим громче, чем обрушение городских стен, огоры врезались в ряды людей Мира. Повторяющиеся крики "Кхорн! Кхорн! Кхорн!" как обрубило, когда первые ряды воинов Ушкара были раздавлены или отброшены за спины тех, кто только что стоял позади них. За прокатившимся грохотом столкновения последовал новый звук, когда серповидные клинки огоров опустились, отсекая конечности и головы.

Люди Рабов Крови были окружены, но не сломлены. Упираясь в противников, они пытались оттолкнуть толпу огоров. Ступни бойцов оставляли борозды в окровавленной земле, когда их откатывало назад. Люди шлёпались друг другу о спины, пока вся орда не упёрлась против врага. Клин огоров лишь на немного вошёл в сгрудившихся Рабов Крови. Их строй растянулся против военного отряда Хаоса, и натиск был сорван. Серповидные оружия свистели в воздухе, рассекая по три человека за раз, и строй прогнулся, но огоры всё ещё не могли пробиться к костяному бугру в центре орды Рабов Крови. Люди выпрыгивали из задних рядов, легковооружённые кровавые налётчики взбегали по бронированным спинам кровавых воинов. Они выкрикивали порочные восхваления своему окровавленному богу и бросались вперёд, целя топорами в головы огоров. Дюжины их гибли, рассечённые здоровенными клинками огоров, но большинству удавалось проскочить; они вонзали топоры в свиноподобные лица, либо, уцепившись за плечи, снова и снова втыкали зазубренные ножи в крепкие мускулы огорских шей. Другие прыгали на руки врагов, не давая им ударить в ответ. Их сотоварищи пользовались этой возможностью и по самые рукояти погружали клинки в мясистые тела неприятелей.

Огоры начали валиться со страшным грохотом, жутко вскрикивая при этом. Горны Рабов Крови испустили медный зов, и бойцы хлынули вперёд.

Своей выгодной точки обзора на костяном бугорке, Мир, Орто, и прочие наблюдали, как меняется ход битвы. Огоры окружали их растянутым полукругом. Их боевые звери покончили с людьми Матрора и пошли на помощь остальным, но огорская элита преграждала им путь, и потому они бесполезно

топтались за основным строем. Это было подходящее время для атаки. Мир поднял топоры.

- Вперёд, во славу Кхорна! - закричал Череп.

- Черепа для Трона Черепов! - завопил Вор Черепов.

- Кровь для Кровавого Бога! - завопила Кровавая Злоба.

Мир спрыгнул с бугорка, со сверхъестественной силой пролетев над головами своих воинов, и врезался в огора. Здоровенный воин, удивлённый такой большой силой в ком-то столь маленьком, был сбит с ног последовавшим ударом.

С лица огора так и не сошло это ошарашенное выражение, когда Вор Черепов снёс ему голову.

Мир вклинился в отборный отряд огоров. Теперь они пребывали в замешательстве: исчезла крепкая стена, повстречавшаяся Матрору, и Ушкар прорубал себе путь через врагов. Когда они наваливались слишком сильно, он прыгал на них, отталкивал ногами их толстые конечности и плотные тела. Каждый взмах его демонических топоров-близнецов убивал очередного огора. Своими собственными усилиями, он проделал широкую дыру в племени огоров, а за ним шли его жнецы черепов. Массивные, преобразованные люди, чья дарованная Кхорном сила была сравнима с огорской, они расширили дыру в строе ещё больше. Меньшие Рабы Крови шли по их следам, ворвавшись в огорский ковёр из мышц и жира.

Мир пробивался вперёд, разыскивая владыку огоров. В голове у него беспрерывно повторялся открытый вызов Кхорну: "С каждым черепом я прокладываю дорогу к твоему трону, с каждым шагом я приближаюсь к мести".

Руны на его карательном обруче сияли адским огнём. Плоть Ушкара обугливалась, но он не прекращал свою богохульную молитву.

Последний из огоров между смертоносцем и его целью пал, и владыка великанов оказался перед Миром.

- Ты! Человек! - проревел тиран, тыча пальцем столь же толстым, как человеческая рука. Из его красного рта вылетали брызги слюны. - Щас я тебя убью!

Ушкар поднял топоры и бросился на него. Огорский тиран сделал круговой мах двухсторонней палицей, попав Миру в грудь и отбросив его. Торжествующая улыбка обернулась рычанием, когда смертоносец вскочил на ноги после удара, несмотря на вмятые внутрь ребра и глубокую рану, истекавшую кровью, в которой виднелась сломанная кость. Великан двинулся прямо на кхорнита.

- Не знаю, кто ты такой, уродец. Великая Пасть послала нас к тебе, не к тому, кто убил Шрамобрюха. Но ты всё равно пойдёшь на закуску. Твой бог убил Шрамобрюха Великого, Пророка Пасти, вот мы и убьём тебя! - рявкнул вожак огоров. - Мы раздавим вас, щуплых людишек. Потом сожрём ваши печёнки, а вы будете на это смотреть.

Тиран крутанул палицу вокруг с ошеломительной скоростью, обратив железные оголовья во что-то размытое и серое. Мир отразил первый удар, потом второй, но третий попал ему прямо в лицо. Гвозди врезались в череп Ушкара, когда карательный обруч вобрал в себя силу удара. Голова смертоносца закружилась, он упал на одно колено.

- Щас ты сдохнешь. Я не знаю разных красивых слов, но скажу тебе, что буду убивать каждого из твоего поганого рода, кого увижу. Мне давно надо было этим заняться. Твой бог научится бояться

последователей Шрамобрюха! – тиран поднял палицу и опустил её на голову Мира с такой силой, что она могла бы разmozжить даже череп джаггернаута.

За долю секунды до столкновения Ушкар ударил Вором Черепов и Кровавой Злобой прямо по болванке, раскрошив её на тысячу разлетевшихся осколков железа, светившихся волшебным жаром. Попав в плоть сражающихся, они зашипели. Огор взревел, потеряв баланс из-за внезапно изменившегося веса оружия. Нечестивая живучесть Мира превозмогла боль от ран и он шагнул назад, когда огор качнулся вперёд. Вождь попытался удержать равновесие, но Вор Черепов подрубил ему ногу в колене, и он обрушился на землю. Рука, которой он пытался защититься, была отнята Кровавой Злобой схожим образом, безумно заготовавшей от испитой крови, струящейся по её клинку. Брызги жизненной влаги ударили из запястья огора, окатив Мира.

- Будь проклят ты и весь твой душегубский род... – успел прошипеть вождь огоров до того, как Ушкар прикончил его. Наклонившись, смертоносец поднял отсеченную голову тирана и вскинул её вверх. Лицо мертвеца дёрнулось, когда Мир проревел бессвязный вызов своему божественному хозяину.

Огоры дрогнули, увидев, что их самый могучий воин зарублен. Им пришёл конец.

Смертоносец пробивал себе путь вперёд, убивая огоров, где бы их не встретил. Корд двигался позади него, пылающая наковальня свистела в воздухе, отбрасывая огоров, в которых она попадала. Великаны стонали, когда обильный телесный жир возгорался чародейским огнём, превращая их в живые свечи. Шипастый хлыст Данавана Вуула кружился вокруг головы кровавого загонщика, хлеща Рабов Крови и направляя их вперёд, распалёнными свирепостью.

Многие огоры бежали ко вратам, и кхорниты устремились в погоню. Боевой зверь, всадники которого повисли мёртвыми в сёдлах, преследовал Ушкара Мира, угрожая раздавить его. Слева раздался безумный вопль, и два кхоргората Рабов Крови прыгнули на чудовище. Зверь упал. Мир не остановился посмотреть, как один из кхоргоратов откусил голову животного, разгрызя его большие рога могучими челюстями, и целиком проглотил.

Смертоносец продолжал бежать. Большие и маленькие тела вновь устилали поле битвы, как много раз прежде. Ушкар поборол ликование от вида бойни, ведь этот путь вёл к истинному проклятию. Цепляясь за уцелевший до сих пор стержень собственной воли, он срезал бегущего огора, затем второго. Раззявленные красные врата поблёскивали уже совсем недалеко. Тут и появился Матрор, вышедший навстречу ему с высоко поднятым мечом.

Мир тут же прекратил преследование, изготовившись к возобновлению поединка.

V

Череп ухватился за волосы очередного трофея и оттянул их, готовясь отсечь голову и добавить её к растущим пирамидам.

Мужчина застонал и открыл глаза. Тут же Череп отпустил его голову и перевернул воина на спину. Умиравший кровавый налётчик заморгал; его глаза, освободившиеся от ярости, вновь исполнились страха.

- Где я? Что это за место? – спросил он. Взглянув на собственную грудь, чтобы рассмотреть глубокие раны, воин увидел развитые мышцы и грубые татуировки, а также шипованные ремни, носимые вместо одежды. Его глаза расширились. – Что со мной случилось? Во что я превратился?

- А, - произнёс Череп. - Ярость покинула тебя.

- Ярость? А ты кто? Где я?

- Я - Череп, - ответил Череп, присел рядом с кровавым налётчиком и воткнул свой длинный нож в землю. - Скажи мне, зачем люди сражаются?

Лицо мужчины исказилось в недоумении.

- Я умираю, а ты загадываешь мне загадки? Помоги мне!

- Так я и помогаю тебе. Ответь на вопрос, и немного разберёшься, где ты.

Умиравший закашлялся. Его дыхание вырывалось толчками, розоватая кровь пенилась на губах.

- Человек сражается, чтобы защитить свою землю или свою семью. Или ради денег.

- А если этих вещей больше нет?

- Тогда человек сражается, чтобы выжить.

- Очень хорошо. Вот этим ты и занимался, - объяснил Череп.

На лице мужчины отразилось жуткое осознание.

- Старые боги! Я вспоминаю... Что я наделал? Что я наделал! Краснота больше не застилает мой взор. Теперь я вижу, я вижу!

- Шшш! - шикнул Череп, наклонился к умирающему и пригладил его волосы, влажные от пота и слипшиеся от крови. Кожа мужчины была склизкой, его борода замусолилась и покрылась запёкшейся коркой. Лицо его, как и тело, обезображивали татуировки, но под этой маской дикости проглядывало подлинное страдание.

- Красное неистовство оставило тебя. Кхорну ты больше не нужен. Он покинул тебя.

Мужчина заплакал.

- Я убил их всех... Моих друзей. Я съел их сердца.

- А знаешь, зачем ты это сделал? - спросил Череп. - Ты сделал это, чтобы выжить.

Он оглянулся туда, где до сих пор сражались Мир и Матрор. Уже наступал вечер, а эти двое продолжали биться, и ни один не мог превзойти другого. Огоры либо погибли, либо сбежали, а Рабы Крови приостановили свои перебранки. Те немногие, кто уцелел, обессилено упали на колени и осоловелыми глазами наблюдали за смертоносцами. Кучка других занималась своими подношениями Кхорну. Блуждая по полю битвы, они отсекали головы от тел павших, и складывали их в пирамиды, оставшиеся ещё со вчерашнего боя. Одна из них выросла выше прочих и пылала. Раскрытые челюсти и глазницы сияли огнём.

- Я поведаю тебе одно сказание, - мягко произнёс Череп. - Была однажды земля, а в самом её сердце лежал славный город под названием Мир. Были у него короли, добрые и справедливые, и правили они образцово. Много войск было у Мира, умелых в битве, и состоящих из могучих воинов и рыцарей, что седлали сказочных зверей. Сотен волшебников они могли призвать на войну, а жители той земли превосходно владели ремеслами. Они были миролюбивы, но с готовностью направили свои умения на

создание смертоносных устройств, как только боги оставили Владения. Благодаря этим механизмам, они оставались свободными даже тогда, когда соседние с ними народы пали пред Хаосом и были либо уничтожены, либо соращены один за другим, до тех пор, пока земля Мира не осталась в одиночестве посреди моря тьмы.

- Многие годы Мир сопротивлялся, подобно лучу света в тёмную эру крови. Беженцы из других земель заполнили его улицы, но город принимал их без возражений. Многообразие стало их силой.

Череп вздохнул.

- Есть лишь одно сказание, что может поведать Хаос, и оно о поражении. Рано или поздно, оно настигнет всех, кто отвергает Четвёрку. Каждый год границы Мира сужались. Область там, остров здесь. Иногда город отвоёвывал свои земли обратно и вновь обретал то, что было утрачено. Каждая победа омрачалась горечью, ведь столь многие гибли за возвращение земель, обращённых в пустоши силами Хаоса. Моря наполнялись кровью, леса оборачивались зарослями из вопящих костяных деревьев, сельские угодья превращались в пыльные равнины, где каждой ночью сталкивались в бою призрачные рати. Очень немногое из возвращённого можно было использовать вновь, и с каждым таким укусом Мир умирал - и так продолжалось, пока не остался лишь сам город.

- Ушкар Мир, - закашлялся мужчина. - Он был королём?

Череп помотал головой.

- Нет. Ушкар был не королём, но чемпионом своей эпохи, так щедро благословлённым воинским умением, что мог бы соперничать с самим Зигмаром. Он был невероятно опытным стратегом, каких не встречалось со времён Эры Мифов. - Череп улыбнулся тщетности этого. - Но он не мог победить. Вскоре пришла неотвратимая ночь, когда стены Мира были осаждены в последний раз. Вся мощь ратей Кхорна обрушилась на этот последний город, поскольку непрекращающееся сопротивление Мира стало оскорблением для Повелителя Войны. У них не было надежды на победу. Но Ушкар, он был... и остаётся... исключительным созданием. Взглянув на бесконечную орду из меди и стали, он не отчаялся. Он не мог победить, только не на этом поле битвы, поэтому он выбрал другое. Вот почему Ушкар пожелал выжить - чтобы найти место, более подходящее для победы. Как говорят, его пригласил присоединиться к Тёмному Пиру сам Корг Кхул. Ушкар Мир согласился без возражений.

- Как и я, как и я! Мне так жаль, так жаль. - Мужчина задыхался от слёз. - Так жаль.

- Не проси прощения! - встрепнулся Череп. Он указал на сражающихся смертоносцев. - Вот он - Ушкар Мир. Его желание жить - это не какое-то жалкое стремление продлить бессмысленное существование. Мир замышляет месть! Без остатка посвятив себя красному пути Кхорна, он надеется достигнуть высот демоничества и бросить вызов самим богам. Разве ты не видишь, мой друг? В разумном мире человек обретает бессмертие в своих детях, в своих творениях. Но это больше не разумный мир. Дети зарублены, творения повергнуты. Если великие силы вселенной забрали твою семью и достижения, у тебя остаётся лишь один способ обрести бессмертие - выживать и превзойти своего господина. Разумеется, Владыка Черепов знает о стремлении Мира, но мне кажется, что Кровавый Бог находит что-то приятное для себя в его непокорности. Возможно, Ушкар добьётся успеха; возможно, высокомерие - единственная слабость богов. Возможно... ну, кто знает?

Череп опустил взгляд на кровавого налётчика. Незрячие глаза закатились, свет ушёл из них. Ужас застыл на мёртвом лице.

- Вот что я усвоил, вот чему Мир научил меня, - Череп встал.

- Черепа для Трона Черепов! - прошептал он и отсёк голову человека быстрым ударом меча сверху вниз. Вытащив из земли длинный нож, воин поднял голову и отнёс её к пирамиде. Забросив трофей на самый верх, Череп отправился к следующему мертвецу, чтобы повторить этот скверный обряд.

Пирамиды из черепов росли по всему полю битвы.

Наконец, когда опустилась ночь, Матрор пал. Оба смертоносца вымотались, их тела были иссечены дюжинами порезов, а доспех Матрора покрылся трещинами. Оба смертоносца были залиты кровью с ног до головы. Противник Мира заплунул о рогатый шлем мёртвого кровавого воина и упал, но тут же упёрся безымянным оружием в труп, чтобы подняться. Если бы он не устал, то быстро сумел бы вновь оказаться на ногах.

Если бы он не устал.

Кровавая Злоба ударила по клинку Матрора. С леденящим душу воплем она разрубила металл. Чары покинули клинок Матрора с мощным хлопком, и половинки меча обратились в крупную пыль, осыпавшуюся наземь.

- Подожди! - закричал Матрор.

Вор Черепов стал ответом Мира на эту просьбу. Демоническое оружие соответствовало своему имени, его режущая кромка была столь остра, что оно пронеслось сквозь плоть и кости шеи Матрора, не оставив ни единого следа. Матрор раскрыл рот и захрипел, но это длилось лишь мгновение, кровь выплеснулась у него изо рта и выступила на линии разреза. Только после этого отрубленная голова смертоносца свалилась с плеч. Она прожила достаточно, чтобы ощутить, как её поднимают с земли бронзовые пальцы латной перчатки Мира.

Когда череп Матрора был уложен поверх самой высокой пирамиды, мягкий дьявольский смех разнёсся над Полями Кровоцвета. Он становился всё громче и громче, превращаясь в рокот горна, гудящий вдалеке. Мир поднял взгляд, поскольку звук шёл сверху от Полей Кровоцвета. Звёзды поплыли и превратились в глаза, смотрящие на него. Безликое существо распростёрлось в ночном небе и разглядывало смертоносца. Человек или демон, или оба вместе, Мир не мог сказать наверняка. Тело создания было высоким и тонким, а голова имела странную форму и располагала множеством глаз. Одевания пришельца также были сделаны из глаз, целых миллионов, более многочисленных, чем звёзд.

- Ты слышишь мой зов, Ушкар Мир. Прислушайся к горнам Хаоса.

"Кто ты?" - подумал Мир, и видение услышало его.

- Никто и кто-то. Я - вестник Архаона. Иди к нему, сражайся за него. Он вознаградит тебя. Ты ненавидишь Повелителя Войны. Это твоя возможность сражаться за что-то более великое, чем бог.

"Я жажду лишь мести, - подумал Мир. - Я сражаюсь, чтобы жить, благодаря этому я могу возвеличиться в глазах Кхорна и предстать перед ним. Тогда я и предложу богу истинное подношение - прикончу его".

- Как пожелаешь, Ушкар Мир. Иди к Архаону, он ожидает в Шайше. Иди навстречу восходящему солнцу, там ты найдёшь врата, затерянные посреди Арманских Лесов. Они отправят тебя во Владение Смерти. Иди же!

Фигура растаяла. Глаза закрылись, вновь став звёздами.

Мир ощутил нескончаемую ярость, но его жажда мести перевесила её. Он цеплялся лишь за эту малую часть себя. Она была ядром его существа, и уменьшалась с каждым проходящим годом, но не исчезала полностью.

У Рабов Крови был новый господин. В живых осталась лишь восьмая часть от их утреннего числа, но выжившие были сильнейшими, быстреешими и самыми опытными. Собравшись вокруг своего нового владыки, они ожидали его приказа.

Ушкар Мир, военачальник Рабов Крови, запрокинул голову и проревел в небо.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Успокоение_ярости_/_The_Solace_of_Rage_\(повесть\)&oldid=6363](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Успокоение_ярости_/_The_Solace_of_Rage_(повесть)&oldid=6363)

Эта страница в последний раз была отредактирована 19 октября 2019 в 14:51.